

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Соотношение международных договоров и национального гражданского законодательства: проблема типологии

*Ерёменко А.С.**

В статье ставятся теоретические вопросы понятия «международные договоры» с точки зрения их местоположения в структуре правовой системы Российской Федерации и соотношения с российским гражданским законодательством. В правоприменительном аспекте понятия «источник права» характеризуется механизм соотношения международных договоров и национального законодательства. Предлагается авторская типология явлений, в основе которых лежит вариативность взаимодействия международных договоров и национального гражданского законодательства, в виде концепций супернационализма, субконституционализма, суперлегализма и интерлегализма. Обосновывается мнение о том, что интерлегализм конкретизирует правоприменительную функцию международного договора, обладающего статусом специального ординарного закона национальной правовой системы и соотносящегося с иными актами внутригосударственного права по правилам конкуренции и коллизии норм.

Ключевые слова: международные договоры; источники гражданского права; правоприменение; конкуренция и коллизия норм; интерлегализм.

* Ерёменко Александр Сергеевич – доктор юрид. наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Международного института государственной службы и управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС). RAGS-ASE@ya.ru

Как источник гражданского права, международные договоры выполняют важнейшую стратегическую, политико-правовую функцию. Играя заметную правоприменительную роль, международные договоры выступают в качестве балансирующего инструмента, уравнивающего сложный праворегулятивный механизм гражданского оборота, распространяющегося далеко за пределы национальной правовой системы благодаря динамике социальных и экономических связей между субъектами права.

Представляется, на современном этапе формирование российского гражданского законодательства проходит под знаком ощутимого влияния финансово-экономических факторов, которые генерируются как внутри национальной экономики, так в масштабах мирового хозяйства. Переплетение правовых и экономических тенденций общественного развития, все более выходящих за границы суверенитета отдельно взятого государства, становится одной из причин наращивания праворегулятивного потенциала международных договоров как экстернальных, внешних, источников права по отношению к внутригосударственным¹.

Российское гражданское законодательство воспринимает традиционный для многих правовых систем настоящего правоприменительный принцип, детерминирующий закономерности соотношения источников гражданского права, которые имеют национальное либо интернациональное происхождение². Эти закономерности соотносят с собой правоприменительную политику государства и предreshают локализацию международного договора в позитивно-правовой структуре национального законодательства – законодательства данной конкретной правовой системы, в частности, Российской Федерации.

На языке законодателя названный правоприменительный принцип получает форму правил о том, что международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, регулируемым гражданским законодательством непосредственно, если из относимого международного договора не следует, что применению подлежат специальные нормы внутригосударственного акта (*operatio directa*). Юридическая конструкция, устанавливающая, что если в международном договоре Российской Федерации закреплены правила, отличные от предусмотренных в гражданском законодательстве, – применяются правила именно международного договора (п. 2 ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации³), наделяется сегодня атрибутом консервативности. Из приведенных позитивно-правовых формул складывается

общая картина того, что международный договор как источник национального права интегрируется во внутрисударственный правоприменительный механизм, подчиняясь общим закономерностям конкуренции и коллизии норм национального права.

Как нам кажется, определяя международный договор как источник гражданского права через категорию «*правоприменение*»⁴ и делая на последней смысловой акцент, законодатель подчеркивает приоритетное значение правоприменительных функций международных договоров по отношению к таким органическим их функциям, как юридическая активность, т.е. способность действовать и порождать определенные правовые последствия, и правовое регулирование, т.е. способность обуславливать и координировать правоотношения. Таким образом, в ходе законодательной конверсии функциональные свойства международных договоров приобрели правоприменительный оттенок. В этом есть свое рациональное политико-правовое зерно, поскольку, в конечном счете, именно через применение норм достигается цель правового регулирования и выражается социальная и иная значимость действия актов законодательства.

Особый правовой статус международного договора в правовой системе Российской Федерации, порождаемый самой сущностью имплементации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в условиях национальной правовой системы, специфицирует выполнение международным договором исключительных праворегулятивных и правоприменительных функций при взаимодействии с нормами гражданского права⁵.

Противоречия научно-теоретических трактовок и неоднозначность законодательных определений юридических функций международных договоров в аспекте гражданского оборота актуализируют изучение поставленного нами вопроса в прикладном, правоприменительном, ракурсе⁶.

Стоит остановиться на том факте нашей академической жизни, что традиционно при освещении проблемы соотношения внешних источников права с внутренними ученые соединяют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в один понятийный комплекс, способствуя образованию соответствующей научной парадигмы.

Очевидно, эти категории – общепризнанные принципы и нормы международного права, с одной стороны, и международные договоры,

с другой, – сами по себе являются автономными, и их исследование предполагает использование надлежащей, адаптированной к особенностям этих категорий аналитической аппаратуры. В первую очередь, это касается объектов, в сравнении с которыми оцениваются свойства постигаемых явлений: допустим, в аспекте общепризнанных принципов и норм международного права объектами сравнения могут выступать нормы-принципы российской правовой системы; в части международных договоров – это акты национального права (внутригосударственные акты). Условимся, что наш исследовательский фокус наведен исключительно на понятие международных договоров, обладающих, вероятно, своеобразием влияния на характер рассматриваемого нами соотношения.

Можно констатировать, что к сегодняшнему моменту в юридической науке сложился ряд более-менее устойчивых воззрений на проблему соотношения международных договоров и национальных нормативных правовых актов в разрезе понятия «источник права»⁷.

Суммарный опыт обсуждения этих воззрений в литературе может быть представлен в типологическом виде четырех концепций, отражающих многомерность понимания связи между основным законом национальной правовой системы (конституцией), международным договором и ординарным законом (национальным законодательством)⁸. Эти концепции, облекаемые нами в новую терминологическую форму, именуются следующим образом:

- «супернационализм»;
- «субконституционализм»;
- «суперлегализм»;
- «интерлегализм».

Конспективные замечания к названным типологиям предварим иллюстрацией (см. рис. 1).

Как нами понимается, *супернационализм* (от латинской приставки «super-» – находящийся над, лежащий сверху чего-либо и латинского слова «nation» – нация, народ⁹) является обобщенная позиция, занимаемая рядом ученых (например, У.Э. Батлером¹⁰, Л. Оппенгеймом¹¹), согласно которой международный договор выступает в доминирующей над основным и ординарными законами государства роли.

В силу такого утверждения, с международным договором, являющимся базовым ориентиром для государственной правовой, в том числе

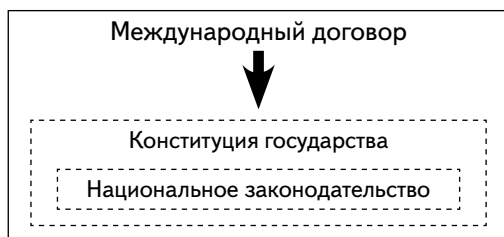

Схема концепции супернационализма

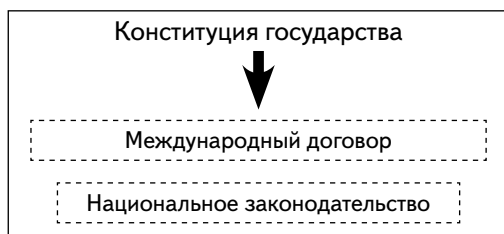

Схема концепции субконституционализма

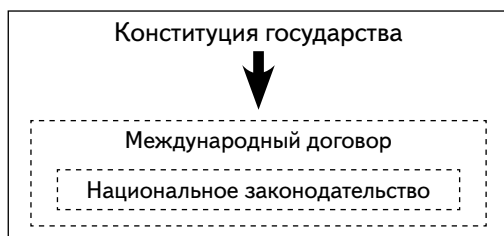

Схема концепции суперлегализма

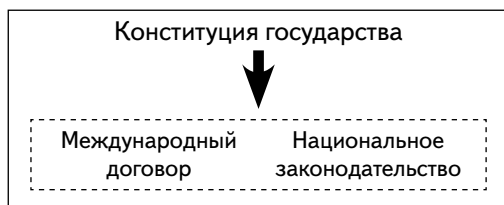

Схема концепции интерлегализма

Рис. 1. Схема типологий соотношения национального законодательства и международных договоров в правовой системе Российской Федерации.

правоприменительной, политики, соизмеряются принципы и содержание данной конкретной правовой системы.

Доктрина *субконституционализма* (от латинской приставки «sub-» – находящийся под чем-либо и латинского слова «constitution» – конституция¹²), мы разумеем, исходит из принципа-соотношения, при опоре на который устанавливается иерархическая зависимость, зачастую условная, международного договора от основного закона государства при признании международного договора *частью* правовой системы данного государства. При этом международный договор стоит особняком по отношению к национальному законодательству, скорее, противопоставляясь ему¹³.

Как нам видится, *суперлегализм* (от латинской приставки «super-» – находящийся над, лежащий сверху чего-либо и латинского слова «legalis» – юридический, относящийся к праву¹⁴) – это теория юридико-активного, т.е. связанного с действием права, и правоприменительного доминирования международного договора, включенного в систему национального права и законодательства данного конкретного государства, над ординарными законами и одновременной структурно-иерархической зависимости международного договора от основного закона этого государства¹⁵.

Концептуальные основы *интерлегализма* (от латинской приставки «inter-» – находящийся между, лежащий внутри чего-либо и латинского слова «legalis» – юридический, относящийся к праву¹⁶), поддерживаемого нами, могут быть объяснены через иерархическую зависимость международного договора от основного закона – конституции государства как базиса и двигательного центра правовой системы – и его структурную паритетность по отношению к иным ординарным законам данного конкретного государства.

В рамках этой концепции международный договор признается ординарным законом национальной правовой системы, являющимся – при прочих равных – специальным законом в референции к общим законам национального права¹⁷.

Думается, вопрос о паритетном соотношении конституции государства и международного договора едва ли может быть поставлен ввиду методологических принципов, пронизывающих все четыре сформулированных нами концепции.

С одной стороны, установление равенства между основным законом государства как его фундаментальным внутренним источником права

и международным договором как внешним источником права, исходящим от сообщества государств, могло бы приводить, как нам представляется, к неустранимому логико-правовому противоречию между источниками права, имеющими различное происхождение и, следовательно, характеризующимися неоднородными механизмами своего действия и применения.

С другой стороны, при выяснении типов соотношения между интересующими объектами методологически принципиально определять некую «точку отсчета», отправляясь от которой выстраивались бы соответствующие логические связи между этими и иными релятивными объектами. Полагаем, функцию такой «точки» может осуществлять какой-либо один из названных объектов – либо конституция государства, либо международный договор, что, бесспорно, весьма ограничивает или даже отрицает логическое отношение паритета, позволяя его только формально, главным образом, в целях выдвижения и проверки тех или иных научных гипотез.

В российских условиях конституционного развития права, идущего по пути германской правовой традиции, система правового регулирования гражданского оборота построена, преимущественно, на принципе *дедуктивной* организации механизма действия и применения норм гражданского права и коллизионно-конкурентном принципе, координирующем воздействие друг на друга общих и специальных норм гражданского права¹⁸.

Для аргументации концепта интерлегализма уместно обратиться к некоторым генеральным посылкам отечественного позитивного права.

Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации (ст. 15 (ч. 1) Конституции Российской Федерации)¹⁹.

Согласно п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации.

Гражданское законодательство *состоит*²⁰ из Гражданского кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих гражданские отношения, при этом нормы гражданского права, содержащиеся в федеральных законах, должны соответствовать

Гражданскому кодексу (п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Таким образом, законодатель установил приоритет действия и применения в гражданском обороте Гражданского кодекса Российской Федерации над иными федеральными законами и правовыми актами при условии гармонизации (непротиворечивости) между нормами гражданского права и нормами конституционного права.

В ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации декларируется, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются *составной частью* ее правовой системы. Этот конституционно-правовой тезис рефлексирован в отраслевом законодательстве (п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если международным договором Российской Федерации установлены иные положения, чем предусмотренные законом, то применяются положения международного договора. Данное конституционное правило – с учетом известных адаптаций – дублируется в ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Прерогативой Конституции Российской Федерации являются функции легальной, выраженной посредством права и закона, институционализации правовой системы государства как таковой и специфической юридино-технической фиксации совокупности ее качественных и количественных характеристик – параметризации правовой системы.

Как нам мыслится, признавая международный договор составной частью правовой системы Российской Федерации, Конституция Российской Федерации предопределила субординационное положение международного договора по отношению к Основному закону. Об этом свидетельствует и тот факт законодательства, что международный договор имеет правоприменительный приоритет только относительно *законов*²¹.

Статус международного договора в правовой системе Российской Федерации специально регулируется нормами Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации»²².

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» приобретение международным договором обязательного для Российской Федерации характера требует от последней совершения определенных

юридически значимых действий, в частности: ратификации, утверждения, принятия, присоединения и применения.

Ратификация международных договоров производится в форме федерального закона, которой подлежат международные договоры, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также те международные договоры, которые устанавливают новые правила, в том числе правила об основных правах и свободах человека и гражданина (ст. 14, подп. «а» и «б» п. 1 ст. 15 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации»). Этот же механизм предписан в отношении утверждения, принятия, присоединения и применения международных договоров (подп. «а» п. 1 ст. 20, подп. «а» п. 1 ст. 21, абз. второй п. 2 ст. 23 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации»).

Нам близко суждение о том, что в правовой системе Российской Федерации международный договор имеет правоприменительный статус *федерального закона*, нормы которого в условиях гражданского оборота конкурируют с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации на общих правоприменительных основаниях, которые были сформулированы еще римскими юристами в юридических максимах – «*lex specialis derogat legi generali*» и «*lex posterior derogat legi priori*»²³.

Правило конкуренции норм права опирается на принцип паритета конкурирующих норм. Презюмируется, что нормы, состоящие друг с другом в конкуренции, обладают равным юридическим статусом, который характеризуется равенством юридической силы – действия конкурирующих норм²⁴.

Гражданский кодекс Российской Федерации согласно Конституции и федеральным законам Российской Федерации, которые регулируют отношения, связанные с введением в действие Гражданского кодекса Российской Федерации²⁵, обладает статусом федерального закона.

Правило (норма) международного договора, введенное в действие в надлежащем порядке хронологически после нормы, предусмотренной в гражданском законодательстве Российской Федерации, конкурирует с последней как специальная норма с общей нормой. В условиях такой правоприменительной конкуренции преимущество признается за нормой специальной. Таким образом, международный договор приобретает статус специального закона (*lex specialis*) как в силу хронологического критерия – обстоятельств времени введения в действие

(posteritas), так на основании регулятивной специализации – обстоятельств сферы действия – предмета регулирования (specialitas).

Можно говорить о том, что конкурентный принцип обуславливает интерлегаллизм международных договоров в правовой системе Российской Федерации и его правоприменительные функции по регулированию отношений в гражданском обороте.

В свете интерлегаллизма международный договор приобретает адаптированный к национальной правовой системе характер, минимизирующий свойства внутренней противоречивости между нормативными правовыми актами, которые действуют в пределах одной и той же правовой системы и одной и той же области правового регулирования, в частности, в сфере гражданского оборота. Интерлегаллистский подход раскрывает и конкретизирует логические основания действия и применения международных договоров в аспектах их статуса в правовой системе Российской Федерации и структурно-иерархической локации в составе гражданского законодательства Российской Федерации.

Как мы считаем, интерлегаллизм уравнивает собственно юридические, а также политические, социальные, экономические и иные функции источников гражданского права, планомерно распределяя правоприменительные задачи между тремя узловыми актами, регулирующими гражданские правоотношения, – Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации и международными договорами.

Если оценивать международный договор с позиций рядового участника гражданского оборота или рядового судьи под сугубо практическим, правоприменительным, углом зрения, учитывающим политические моменты в самую последнюю очередь, то ординаризация международных договоров, конвертирующая их действие и применение в качестве источников национального права в действие и применение ординарных законов, делает информационно-правовой контекст международного договора открытым и доступным для прямой правореализации к данному конкретному юридическому казусу. Такое положение значительно упрощает не только правоприменительную, но и в целом правореализационную работу с международными договорами.

Полагаем, первенствующие достоинства интерлегаллизма как научного подхода к правоприменительной природе международных договоров в аспекте гражданского оборота могут быть отмечены следующим:

во-первых, международные договоры не выносятся за скобки правовой системы и не стоят в оппозиции к внутригосударственным формам права, а ассимилируются с системой источников национального гражданского права, не теряя при этом своего исключительного юридикотехнического статуса;

во-вторых, международные договоры, опосредуя интернациональный опыт гражданско-правового регулирования общественных отношений, сближают различные правовые системы, в которых эти международные договоры действуют и применяются;

в-третьих, международные договоры демонстрируют свое имманентное свойство аппликативности (способности применяться) и эффективно выполняют собственную правоприменительную функцию;

в-четвертых, международные договоры действуют и применяются на основе принципов, которыми оперируют как профессиональные, так непрофессиональные участники гражданского оборота, и которые формируют методологию конкурентного, коллизионного и аналогического применения норм гражданского права²⁶.

К анализируемому нами вопросу тесно примыкает иная острая проблема, лежащая, как нам кажется, в социально-культурной правовой плоскости и фокусирующаяся на одной из разновидностей такого деструктивного социально-психологического явления, как правовой нигилизм.

При исследовании соотношения международных договоров и гражданского законодательства данной конкретной правовой системы возможно допускать, что международный договор в формально-правовом плане не задействован в правоприменительном процессе и игнорируется правоприменителем в силу облигативных установок. При такой картине международный договор воспринимается субъектами права и функционирует как квази- или псевдо-источник национального права, лишенный правоприменительного потенциала, не смотря на то, что в фундаментальном законодательстве может провозглашаться абсолютная либо ограниченная аппликативность международных договоров наряду с иными формами внутригосударственного права. Как нам видится, в этих условиях взаимодействия национального гражданского законодательства и международных договоров последние изолированы от системы внутригосударственного права и его реализации и вряд ли могут расцениваться в качестве предмета соотношения с отраслевым законодательством. В описываемом случае иллюминирована обратная,

теневая сторона правоприменительной системы, поднимающая на поверхность проблему амбивалентности права и его источников. Принципиальным же критерием построенного нами соотношения служит жизнеспособность и коллизийно-конкурентная активность норм права, сконцентрированных в определенных формах (источниках) национального права, и характер поведения данных норм в реальной, фактической обстановке правоприменения, сотканной из национальных особенностей данной конкретной правовой системы.

На примере трансформации российского гражданского законодательства прослеживается социально-правовая закономерность естественного взаимовлияния гражданского права и экономики, отодвигающего на второстепенные позиции «искусственные», политические факторы, которые в советский период развития экономических отношений в нашем государстве были главной, структурообразующей причиной содержания и формы гражданского законодательства²⁷.

Благодаря своему правоприменительному потенциалу, накапливаемому передовым мировым опытом правового регулирования гражданских отношений, международный договор, рассматриваемый через призму понятия «источник гражданского права», играет в гражданском обороте весомую стабилизирующую роль, коррелируя с национальным гражданским законодательством и взаимодействуя с последним при конкуренции и коллизии норм гражданского права.

Интерлегаллизм международного договора вскрывает механизм действия и применения права как глобального, межнационального, общекультурного феномена. Этот фактор является существенным условием взаимообогащения и благоприятного эволюционного развития правовых систем современности.

The Correlation of International Treaties And National Civil Legislation: A Problem Of Typology (Summary)

*Alexander S. Eremenko**

The investigation of theoretical issues of the concept “international treaties” in aspects of their position in the structure of the Russian legal system and their correlation with the Russian civil legislation is given in this article. The mechanism of correlation of the international treaties and the national legislation is characterized from the law application point of view of the notion “source of law”. The author’s typology of phenomena, being based on the diversity of interaction between the international treaties and the national civil legislation, in the form of conceptions of supernationalism, subconstitutionalism, superlegalism and interlegalism is put forward. An opinion that the interlegalism makes more concrete the international treaties’ function of legal applicability, pointing their status of special ordinary legal acts and their correlation with other legal acts of the domestic law by the maxims of concurrence and collision (conflict) of legal norms, is found.

Keywords: international treaties; sources of civil law; application of law; concurrence and collision of legal norms; interlegalism.

* Alexander S. Eremenko – Doctor of Juridical Science (J.S.D.), Professor, Department of Legal Support of Market Economy, International Institute of Public Service and Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation” (RANEPA). RAGS –ASE @ya.ru

¹ Подробнее о механизме взаимосвязи мировой экономики и государственного суверенитета см.: Экономический суверенитет государства / Под ред. И.П. Блищенко. М., 2001. С. 20-59; Ефремова Н.А. Международная экономическая интеграция и суверенитет государства // Государство и право. – 2011. – №6. – С. 60-66.

² Под правовой системой государства обычно понимают сложную организованную совокупность из таких элементов, как правовая культура, система права и система правореализации, при взаимодействии последних на национальной арене. Правовая система является принципиальной конституционной характеристикой государства как субъекта права, вообще, и субъекта международного права, в частности, которая индивидуализирует и дифференцирует государственный суверенитет. Подробнее см.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1999. С. 25; Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006. С. 189 – 214; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. С. 25-104.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система Гарант». Версия 7.04.1.018. «Гарант-Максимум. Арбитражная практика России». – 1 DVD-ROM (дата обновления: 10.01.2014) (далее – Гражданский кодекс Российской Федерации).

⁴ Подробнее о понятии «правоприменение» см.: Ерёмченко А.С. **Методологические** начала теории применения гражданского закона (Часть первая) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – №7. – С. 30-34; Ерёмченко А.С. Методологические начала теории применения гражданского закона (Часть вторая) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – №8. – С. 38-41; Ерёмченко А.С. Методологические начала теории применения гражданского закона (Часть третья) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – №9. – С. 41-44.

⁵ Подробнее о месте международных договоров в российской правовой системе см.: Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 382-408.

⁶ О подходах к проблеме соотношения международного и внутригосударственного права см.: Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. С. 43-215; Международный договор и источники конституционного права Российской Федерации. Челябинск, 2008. С. 39-95; Международное право и национальное законодательство. М., 2009. С. 112-208.

⁷ Лунц Л.А. Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 220–232; Конашевский В.А. Международные договоры РФ и акты гражданского законодательства: соотношение и взаимодействие разносистемных источников : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000; Розенберг М.Г. Соотношение международных договоров и российского гражданского законодательства при их применении в практике МКАС // Актуальные вопросы международного коммерческого арбитража. М., 2002. С. 107-129; Дробязкина И.В. Некоторые аспекты применения иностранных права и норм международных договоров при рассмотрении гражданских дел судами Российской Федерации // Российский судья. – 2006. – №9. – С. 40-42; Шкобенева Г.В. Международный договор как источник гражданского права: проблемы теории и правоприменения : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

- ⁸ Ординарный закон [Электронный ресурс] : Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1077518> (дата обращения: 10.01.2014).
- ⁹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов: Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1976. С. 662, 980.
- ¹⁰ Butler W. E. The Law of Treaties in Russia and Other Member Countries of the Commonwealth of Independent States. Cambridge University Press, 2002. P. 83.
- ¹¹ Подробнее см.: Оппенгейм Л. Международное право: Мир. Т. 1: Полут. 1 / Под ред. С.Б. Крылова. М., 1948. С. 32, 54-64.
- ¹² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. С. 246, 961.
- ¹³ Подробнее см.: Васильев А.М. О системах советского и международного права // Советское государство и право. – 1985. – №1. – С. 64-72; Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 103-112.
- ¹⁴ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. С. 584, 980.
- ¹⁵ Подробнее см.: Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. СПб., 1996. С. 179-191; Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 57-83.
- ¹⁶ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. С. 541, 584.
- ¹⁷ Подробнее см.: Шахрай С. Российская Конституция – это машина времени // Независимая газета. – 2013. – №270(6033).
- ¹⁸ О сущности дедуктивного принципа устройства права и правовой системы см.: Кётц Х., Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. – Т. I. Основы: Пер. с нем. М., 2000. С. 386.
- ¹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система Гарант». Версия 7.04.1.018. «Гарант-Максимум. Арбитражная практика России». – 1 DVD-ROM (дата обновления: 10.01.2014) (далее – Конституция Российской Федерации).
- ²⁰ О значениях слов «состав» и «состоять», играющих первую роль в понимании структурных свойств права, см.: ‘Состав’; ‘Состоять’ [Электронный ресурс] : Справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 10.01.2014).
- ²¹ Конституция Российской Федерации делит законы на федеральные конституционные законы и федеральные законы Российской Федерации и законы ее субъектов (ст. 76 Конституции Российской Федерации).
- ²² Федеральный закон Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 года №101-ФЗ (в редакции от 01.12.2007 года) (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 16.06.1995 года) [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система Гарант». Версия 7.04.1.018. «Гарант-Максимум. Арбитражная практика России». – 1 DVD-ROM (дата обновления: 10.01.2014) (далее – Федеральный закон Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации»).
- ²³ Об укоренении принципов «Lex specialis derogat legi generali» и «Lex posterior derogat legi priori» в позитивном праве и их влиянии на алгоритм конкуренции и коллизии норм см.: Козлов В.Б., Фалилеев П.А. Соотношение общих и специальных правовых норм

на примере гражданского и морского права (критика современного законодательства) // Государство и право. – 1997. – №11. – С. 82-94.

²⁴ Подробнее о принципе паритета норм права при их конкуренции и коллизии см.: Ерёмченко А.С. Теоретические вопросы коллизии норм гражданского права // Российская юстиция. – 2010. – №10. – С. 7-9; Ерёмченко А.С. К понятию конкуренции норм гражданского права // Российская юстиция. – 2011. – №7. – С. 4-9.

²⁵ Федеральный закон Российской Федерации «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 ноября 1994 №52-ФЗ (в редакции от 08.05.2009); Федеральный закон Российской Федерации «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26 января 1996 №15-ФЗ (в редакции от 09.04.2009); Федеральный закон Российской Федерации «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26 ноября 2001 №147-ФЗ (в редакции от 11.11.2003); Федеральный закон Российской Федерации «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 г. №231-ФЗ (в редакции от 12.04.2010) [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система Гарант». Версия 7.04.1.018. «Гарант-Максимум. Арбитражная практика России». – 1 DVD-ROM (дата обновления: 10.01.2014).

²⁶ Подробнее о применении норм гражданского права при их конкуренции, коллизии и по аналогии см.: Ерёмченко А.С. Применение гражданского закона. Теория и методология. М., 2011. С. 386-432.

²⁷ Генезис суждений о закономерностях корреляции права и экономики можно проследить, сопоставляя высказывания советских правоведов и опыт наблюдений за реалиями современного гражданского оборота. По ряду аспектов этого вопроса см: Братусь С.Н. О роли права в использовании объективных экономических законов. М., 1954; Братусь С.Н. Право и хозяйственный механизм // Правоведение. – 1983. – №4. – С. 29-37; Государство, право, экономика / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 9-68.